

ФЕЛИКС ЧЕЧИК

АЛТЫН

МОСКВА

2009

Поэтическая серия «Русского Гулливера»

Руководитель проекта **Вадим Месяц**

Главный редактор серии **Андрей Тавров**

Оформление серии **Валерий Земских**
Маргарита Каганова

Феликс Чечик

Алтын. Книга стихотворений / Серия «Русский Гулливер». — М.: Центр современной литературы, 2009. — 140 с.

Поэт живёт в настоящем, не порывая с прошлым, в надежде на будущее. Пассеизм Феликса Чечика — не скорбь по невозвратному, но увеличительное стекло телескопа, позволяющее разглядеть до мельчайших подробностей «тела небесные», лежащие «на дне души». И не суть важно, что это: оптический обман или исключительность «ночного зрения» поэта, — главное, что мгновение остановлено и оно прекрасно.

ISBN 978-5-91627-016-7

© Ф. Чечик, 2009

© И. Волгин, предисловие, 2009

© Русский Гулливер, 2009

© Центр современной литературы, 2009

Феликс Чечик родился в 1961 г. в Пинске. Закончил Литературный институт им. А.М. Горького. «Алтын» — четвёртая книга поэта. Живёт в Израиле.

СОИДЯ С КАРУСЕЛИ

У Феликса Чечика почти нет длинных стихотворений. Он не раскручивает лирическое повествование, возбуждающее долгий читательский интерес, и тем более не покушается на эпос. Он в высшей степени скуп на слова; ему присущ очень сдержанный (если не сказать аскетичный) стихотворный жест. Читателю не приходится поспешать за сюжетом: таковой как бы не возникает. Возникает другое: череда душевных состояний, в которых и заключен сокровенный смысл этой сосредоточенной и «не ищущей выгод» лирики. Мгновенье остановлено и запечатлено — и в это остановленное мгновенье вмещается весь опыт жизни, весь ее метафизический объем. Что ж: в поэзии важна не «сумма технологии», а — чистое переживание. Только оно по-настоящему информативно.

«Все смешалось, включая пространство и время»: это действительно так. Любопытно, однако, что в этом вавилонском столпотворении нас прежде всего останавливает щемящая узнаваемость того, что смешалось. Ибо мы сами принадлежим к этому пространству и к этому времени.

Не зная биографии Ф. Чечика, можно, пожалуй, и не догадаться о том, что поэт проживает ныне на земле обетованной — там, где «идиши с ухмылкой смотрит на иврит». Правда, есть и прямые указания: «Как турист кээспэшиник / я блуждаю в ночи, / где горит семисвечник / без единой свечи». Раннебиблейские реалии мирно сожительствоуют с позднесоветскими. И недаром лирический герой не забывает, что он оставляет своему ребенку не только «обжигающий шепот хамсина», но и — «отсутствие мокрой сирени». Ибо для самого Феликса Чечика «мокрая сирень» решает все.

В квалификации подобного чувства как «тоски по родине» («разоблаченной мороки», по слову другого поэта) непременно присутствовал бы некоторый оттенок пошлости. Недаром во избежание последней заявлено, что исчезли все темы, «за исключением ностальгии, которой не

было и нет». (А. Ахматова говорила, что за строчкой «Не гулял с кистенем я в дремучем лесу» так и видишь разбойника.) У Ф. Чечика нет тоски по потерянному раю (или, положим, аду). Настроение, господствующее в книге, отнюдь не определяется местопребыванием ее автора. Эти стихи (большинство из них) могли быть написаны и в России. (Хотя, как известно, из прекрасного далёка она видится резче и крупнее.) Воспоминание «свой длинный развивает свиток» где и когда хочет.

Заначить прошлое на черный,
уже приблизившийся день,
на неизбежность обреченный,
как на цветение сирень.

Сирень, надо думать, все та же — «мокрая». Как все та же, очевидно, и карусель (это сквозной мотив), на которую отважно взбирается маленький мальчик, дабы доказать окружающим свое бесстрашие.

Я не трус. Мне скоро семь.
Через год.
Я сажусь на карусель —
и вперед.

Подо мной луга, леса
и моря.
Надо мною небеса
и заря.

«Словно в детстве далеком, сойдя с карусели» — сказано в первом же стихотворении этой книги. Пройдут годы, и все возвратится на круги своя — теперь уже в ином смысле и в ином устремлении.

Осенним парком, где с веслом стоит дивчина,
иду. Не каркай, воронье. Печаль-кручина,

не изводи. На карусель — слоны, верблюды —
запрыгну, чтобы насовсем слинять отсюда.

Но прежде — несколько кругов, расправив плечи,
я совершу и — был таков — arrivederci.

На юг — подальше от небес — больных, унылых,
летит, а времени в обрез, клин легкокрылый.

Успеть бы только до зимы и до простуды.
За мной! На волю из тюрьмы! слоны, верблюды.

Феликс Чечик очень тонкий поэт: не знаю уж, на радость себе или на беду. Любитель оттенков, истолкователь легчайших прикосновений и дуновений, мастер намеков, умолчаний и полутонов, он оставляет простор для солидарного чувства, которое, увы, не всякий читатель способен в себе обнаружить. При этом автор может быть физиологически беспощадным — как, например, в удивительном стихотворении о плотской любви «Туда-сюда, туда-сюда und weiter...», где он буквально балансирует на рискованной грани, отделяющей искусство «от жизни». (Тут — при всей разнице взгляда и словаря — уместно вспомнить пушкинское «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением...») Он не страшится искупительной самоиронии: его Пегас — не крылатый конь, а «скорее — пони, в аттракционе цирковом с бубенчиками и в попоне». Право, такой подход куда благотворнее иных уверений в собственной поэтической значимости. (Вспоминаю восхитительное название одной стихотворной книжки «Огнепалые строфы»: слабо Н.М. Карамзину, поименовавшему собственное творение «Мои безделки», или автору «Онегина», обозвавшему любимое детище — «небрежный плод моих забав».) При этом лично я бы не променял честную лошадку Чечика ни на какую трепетную лань.

...Он не скрывает ни своей поэтической родословной, ни связанных с ней лирических предпочтений. Имена Владислава Фелициановича («Мы не Георгия Иванова ученики, а Ходася») или «любимого В. Соколова» поминаются вовсе не всуе. Поэты-интроверты куда «милей» Чечику, чем, скажем, экстраверты. Он сделал свой выбор — очевидно, в соответствии с природой собственного дара. В не столь давние советские времена его бы непременно причислили к направлению, снисходительно аттестуемому как «тихая лирика». Хотя вообще-то лирике не свойственно слишком повышать тон.

Феликс Чечик поэт переломной эпохи. Его, однако, она не переломила. Он говорит «Санкт-Ленинград» — и это воистину так. Он слышит, как «ивритоязычно поют снегири»: такое тоже случается. Он русский поэт, ибо Россия предмет его сокрушений и, может быть, упований. В смешавшемся времени и пространстве отчетливо различим его собственный — точный и внятный — поэтический голос.

Игорь Волгин

* * *

За полётом шмеля, но под музыку Шнитке
дачным летом, в июле, следить не дыша;
ни к селу и ни к городу белые нитки
вдруг припомнить на тёмно-зелёном ч/ш.

Ни к селу и ни к городу, а к Забайкалью
возвращаюсь... Вернулся... Никак не вернусь.
Минус лето — дождливое только в начале
и ни капли в течение месяца — плюс.

И шмелиная музыка белой метели,
и Альфред, и Германия, и дембеля.
Словно в детстве далёком, сойдя с карусели,
потерял ощущение реальности я.

Всё смешалось, включая пространство и время.
Обнажается суть. Отступает жара.
Полночь. Дети уснули. Луна сквозь деревья
освещает бессонную ночь до утра.

* * *

Мы не Георгия Иванова
ученики, а Ходася.
Из полупьяного, туманного,
ночного Петербурга — вся
литература вышла? Вечные
вопросы разрешались не
без помощи — больного, желчного
поэта в дейсовском пенсне.

* * *

Часы привычный ход замедлили,
а люди думали — стоят,
в комиссионке так, для мебели,
купили много лет назад.

Отсчет невидимого времени
ведет старинный механизм,
секунда в новом измерении
как человеческая жизнь.

И вот уже новорожденного
(как все закручено хитро)
за дверью ждут из похоронного
бесцеремонного бюро.

И мастер, починявший Ленину
часы в 17-ом году,
причину этого явления
не знает к своему стыду.

А люди плакали, невинные,
и не могли уснуть никак
под бесконечное, старинное,
громоподобное «тик-так».

* * *

Вот сидит человек,
человек огорчён,
на мороз и на снег
ноль внимания он.

Он затеял игру
развесёлую, чтоб
непременно к утру
превратиться в сугроб.

И до самой весны,
вот как он огорчён,
видеть белые сны
ни о чём, ни о чём.

* * *

Заначить прошлое на чёрный,
уже приблизившийся день,
на неизбежность обречённый,
как на цветение сирень.

Цвети сирень — цветы и пахни
и никогда не отцветай,
и прошлым будущее трахни
и вечности бесплатно дай.

* * *

Ничегошеньки кроме
и нисколечко сверх:
зимний сад в полудрёме
и заброшенный сквер,

двухколёсный «Орлёнок»,
песню «Ванька-холуй»,
горько-сладкий спросонок
на губах поцелуй,

краснопёрки неслышный
замороженный стон,
перезревшие вишни
на десерт у ворон.

Вот и всё из поклажи.
Только то, что любил.
Втайне радуясь даже
если что-то забыл.

Как турист кээспэшник
я блуждаю в ночи,
где горит семисвечник
без единой свечи.

* * *

А ты не слышишь и не видишь,
что: «синим пламенем горит»,
но смотришь свысока, как идиш
с ухмылкой смотрит на иврит.

А ты не видишь и не слышишь,
что жизнь сквозь пальцы утекла
и через раз, как рыба дышишь
из-под январского стекла.

* * *

Н. Богатовой

Стану на цыпочки, вырасту на
три сантиметра;
ветер подует, и будто сосна
я закачаюсь от ветра.

Я закачаюсь, но не упаду,
ветки ломая,
ночью в 2005 г.
29 мая.

Не упаду ни за что, никогда,
и не надейся,
а на верхушке ночная звезда,
как оперенье индейца.

* * *

Листья жгут, и осенний
дым безвреден, как ртуть;
этих сладких мгновений
ни за что не вернуть.

Не вернёшь и не надо.
Но слезятся глаза.
Дым осеннего сада
крематорием за.

* * *

Мяч закатился мой под нянин комод...
В. Набоков

Тишина в темноте, как в квадрате, —
шорох слышится за версту.
Я лежу, улыбаясь, в кровати
и сквозь сон ощущаю — расту.
Где-то скрипнула половица
и откликнулись снегири.
Мне дорога железная снится.
Я большой. Мне исполнится три.
В сердце сладкая ноет заноза;
и божественней музыки сфер
долгожданный гудок паровоза
из коробки «Made in DDR».

* * *

А для полного счастья
не хватало чуть-чуть —
сердце старое настезь
для врагов распахнуть.

Как июльские окна
после ливня во тьму,
чтоб не так одиноко
загибалось ему.

70-е

«Кто-кого»? Но об этом потом.
Не сейчас. Не сегодня. Не время.
Я шепчу окровавленным ртом
и на звёзды смотрю сквозь деревья.
Я лежу. Я созрел. Я готов.
Я по-своему счастлив, поверьте:
время есть до приезда ментов
поразмислить о жизни и смерти.
А вокруг — никого, ничего.
«Тёмной ночью. Желательно летом.
Я ещё повстречаю его.
Он ещё пожалеет об этом».

* * *

Я боюсь, что я назад
не вернусь.
Все, кому не лень, кричат:
«Подлый трус».

Я не трус. Мне скоро семь.
Через год.
Я сажусь на карусель —
и вперёд.

Подо мной луга, леса
и моря.
Надо мною небеса
и заря.

Издевался кто хотел,
а теперь
горько плачут: — Улетел.
Улетел.

Мы назад берём слова.
Не дури.
— Так и быть, дня через два
или три.

* * *

Ничего мне не жалко для сына,
всё останется только ему:
обжигающий шёпот хамсина
и прибой, усыпляющий тьму,
и отсутствие мокрой сирени
и туманного молока.
Всё, включая песочное время
бесконечного слова «пока».

* * *

Оттоптали ноги,
чёрт возьми,
на лесной дороге
муравьи.

Оттоптали ноги.
Звон в ушах.
Больше из берлоги
ни на шаг.

* * *

А. Алешковскому

На две тысячи первом
африканском слоне,
как спасение нервам,
сон спустился ко мне.

Я во сне улыбался,
я блаженствовал, но
кто-то вдруг постучался
и вломился в окно.

И от этого грома
улетучился сон.
Надо мною огромный
и рассерженный слон.

«Я тот самый, две тыщи,
но не первый – второй,
о котором, дружище,
забывают порой.

27

Не надеялся встретить,
ухмылялся в душе.
А две тысячи третий
на подходе уже.

И четвёртый и пятый,
и шестой, и седьмой».
Я проснулся помятый,
слава Богу, – живой.

Со слонами водиться
зарекаюсь теперь.
В крайнем случае – птицы,
воробьи, например.

* * *

сокрушаясь по поводу
не давя на слезу
я к последнему доводу
прибегу приползу

на карачках на брюхе ли
доведу до ума
что весенними слухами
заболела зима

снег белее от копоти
и звенит как стекло
кто грачи где на проводе
говорите алло

* * *

Я оставляю на десерт
коронный номер свой,
ни у кого такого нет —
ручаюсь головой.
Нет, не стоянье на ушах
и не глотанье шпаг,
но от прозренья в двух шагах
не сделать даже шаг.

* * *

Август. Полдень. На окнах сетка.
И от лёгкого ветерка
чуть заметно качнулась ветка,
как под тяжестью мотылька.

Дачной жизни укропный запах
и беременной тучи клок,
и уснувший в еловых лапах
легкомысленный мотылёк.

* * *

Мастерская кузнечика.
Дух госпитальный.
Сердце Феликса Чечика
на наковальне.

Куй, покамест горячее,
выкуй, кузнечик,
сердце звонкое, зрячее
и человечье.

Потому что от старого
и от больного
только клочья оставило
глупое слово.

* * *

Вести двойную жизнь, скрывая
своё лицо?
Свободы я не променяю
на колесо.
Огненно-рыжий будто пламя
то вверх, то вниз,
скачу и хохочу над вами, —
посторонись.
А захочу — сгорит, как спичка,
сосновый лес.
Но жалко птичку, плачет птичка
из-под небес.

АКВАРЕЛЬ

Море тянется до
горизонта, но что там
знать ни знает никто
скрыто за горизонтом.
И не хочется знать,
ну, нисколечко даже,
кверху пузом лежать,
как медуза на пляже.
А морская волна
белозубым оскалом
будет щериться на
равнодушные скалы.

ПРОВИНЦИАЛЫ

Шампиньонами из-под асфальта,
на «кирпич» — отдыхает ГАИ,
в предвкушение халявы и фарта,
и сулящей прописку любви,
из Рязани, из Пензы, из Тулы,
с «шестисотым» на перегонки,
чтоб у хищной столичной акулы
удалить без наркоза клыки.
И столовским позавтракав супом,
и заначив беляш на потом,
на вершину — по трупам, по трупам,
никого не щадя, напролом
мы идём на все стороны света,
улыбаясь чему-то хитро —
не получится — двинем в поэты,
повезёт — в торгоши у метро.

LITHUANIA

жене

Вилами писано по воде —
кануло в Лету,
не расшифрует никто и нигде
вилопись эту.

Все философы тире колдуны —
глухи и немые.
Вилы расчешут твои колтуны,
батюшка Неман.

* * *

Осенним парком, где с веслом стоит дивчина,
иду. Не каркай, воронье. Печаль-кручина,
не изводи. На карусель — слоны, верблюды —
запрыгну, чтобы насовсем слинять отсюда.
Но прежде — несколько кругов, расправив плечи,
я совершу и — был таков — arrivederci.
На юг — подальше от небес — больных, унылых,
летит, а времени в обрез, клин легкокрылый.
Успеть бы только до зимы и до простуды.
За мной! На волю из тюрьмы! слоны, верблюды.

* * *

3 ряд.
25 место.
Плачет брат.
Вышла замуж невеста.
И морпех где-то сгинул во льдах.
Ах!
Жалко всех: и поэта Глазкова,
Смоктунковского, Градского — всех.

.....
Возвращается из ледяного
плена с «Красной Звездой» морпех.
«Эх! Загулял, загулял, загулял,
парнишка-парень молодой, молодой,
в красной рубашоночке,
хорошенький такой».

Ничего. Перемелется. В шоке
зал. Не выйдет из шока никак.
И размером с экран на флагштоке
развевался Андреевский флаг.
Ни Афгана и ни Карабаха,
ни Чечни, ни Беслана. Потом
станет красной от крови рубаха
и рассыплется карточный дом
но куда сеанс за сеансом
экономив на завтраках я
упиваюсь советским романсом
в предвкушении небытия

* * *

Имитация счастья — блесна
самопальная из медали.
Щука хищная обречена
фаршированной стать и т. д.,
что хозяйка решит на обед
приготовить своим домочадцам.
Но покамест из мрака на свет
ей вольно во весь рот улыбаться,
оставлять в дураках рыбака —
дилетанта, блесна — побрякушка,
а вода холодна, глубока,
дно усеяно илом, ракушкой.
Хорошо королеве пруда
пребывать в окружении свиты!
Но уже ветеранам труда
на монетном медали отлиты.

* * *

Перчатки, варежки — помеха,
перчатки, варежки — долой,
когда белым-бело от снега
и битый час зовут домой.

Гигантский ком всё неподъёмней,
и пальцы холодом свело,
и, будто загнанные кони,
хрипим и дышим тяжело.

У снежной бабы нос морковкой,
в глазах обугленных — испуг,
и присобаченные ловко
сухие ветки вместо рук.

А то, что женщине не в жилу
стоять с ведром на голове,
так не до жиру, быть бы живу
в непредсказуемой Москве:

39

где в январе звенят капли,
а в марте заморозки вновь
и снегири, как на свирели,
наяривают про любовь.

* * *

На полную катушку звук!
Свет погасите в кинозале!
Неприукрашенная, вдруг
вся жизнь пройдёт перед глазами.

Вам и не снилось, Оноре,
Вильям, оставьте все вопросы,
пусть зритель над моим тире
украдкой смахивает слёзы.

* * *

На чайной ложечке листа
валокординовые капли
росы. Безлюдна и пуста,
как бы в преддверие спектакля
берёзовая роща. Гнёзд
осенняя незащищённость.
А ближе к городу — погост
и роковая обречённость.

* * *

Туда-сюда, туда-сюда und weiter
туда-сюда, покуда бездыхан
не упадёшь — возлюбленный фарватер
ведёт прямой дорогой в океан,
где стаи рыб, где водорослей пряди,
где илом занесённые суда;
предпочитая положение «сзади»,
агонизируя — туда-сюда,
я умираю в предынфарктном стане,
и растворяюсь в тишине ночной,
покамест мои потные ладони
разглаживают крылья за спиной.

МОЙ ПЕГАС

«Коня, полцарства за...» — причём
какой-то конь, скорее — пони,
в аттракционе цирковом
с бубенчиками и в попоне.

Тележку возит за собой
и радуется сбруе новой.
Нет, чтоб спешить на водопой
воды напиться родниковой.

Пастись на заливных лугах
и ржаньем окликать подругу.
В опилках нос — увы! и ах! —
по кругу, милый мой, по кругу.

* * *

Грибоподобный взрыв из плена
наружу вырвался — ура! —
Да здравствуют ацетилена
и самопалов мастера —
Сергеи, Коли, Саши, Вани,
кулибины — азохун вэй —
чтоб через 10 лет в Афгане
стать достоянием червей.

* * *

Хлеба и зриши.
Зриши и хлеба.
Ты не поверишь, —
это всё — небо.
Небо июня
в доле мгновенья
от полнолуния
или затмения.

ФОТО

Смотри — я третий с краю,
мне 18 — ах! —
в цивильном к Первомаю,
с улыбкой на губах.

Ребята из бригады,
портвейн поёт в крови.
И до того мы рады,
хоть вены отвори.

Чтоб чёрная, густая,
которой грош цена,
на праздник Первомаю
вся вытекла до дна.

||

* * *

Прямая линия, в которой
боль и надломленность кривой,
из непридуманных историй,
соперничающих с Москвой
в неверии... но было, было,
с тобой, а может быть со мной,
когда прямая полюбила
и заболела кривизной.

* * *

Я исчез, растворился,
не стало меня:
речка в зёрнышке риса,
лёд в объятых огня.

Речь в безмолвном потоке,
темнота в тишине...
И все люди в итоге
растворились во мне.

* * *

Засыпаю без задних
и передних — точь в точь,
как измученный всадник,
проскакавший всю ночь.

Просыпаюсь в тревоге,
вперемешку с тоской.
Перепутались ноги
и не знаю с какой.

* * *

На фоне усталости, —
тот ещё фон,
фальшивлю, как в старости
магнитофон.

Хрипящая «Яуза» —
юность моя.
Недолгая пауза
небытия.

* * *

Начало любви я веду от конца,
как если бы жизнь от небес;
фамильное золото — перстень отца
с его монограммой «МС».

Печатка... Да некуда ставить печать...
Поставлю себе на уста,
чтоб не было больно любить и молчать,
покуда кричит пустота.

* * *

И. Волгину

Переливающихся рос
осеннее стекло
я утром из лесу принёс
в домашнее тепло.

И наяву увидел сон
о том, что жизнь прошла,
под бесконечный перезвон
разбитого стекла.

* * *

Подтверди бесшабашность свою,
по возможности честно и быстро,
и у бездны постой на краю
с элегантностью эквилибриста.

Руки в стороны — смейся и пой,
и звучи, как «парижская нота»,
чтоб потом навсегда с головой
погрузиться в родное болото.

* * *

Е. Елагиной

Это — не ветер и холод, —
ветр — скорее и хлад;
надвое — взят и расколот
временем Санкт-Ленинград.

Время. Ворованный воздух.
Еле заметный дефис.
И через тернии к звёздам, —
лестницей Якова — вниз.

* * *

Спотыкаюсь на знаках
препинания, как
в красно-матовых маках,
заблудившийся знак.

И не чувствую боли,
разве только слегка,
в красном поле, в неволе,
пленник черновика.

* * *

Засыпаешь под дождь,
просыпаешься — снова,
но уже не уснёшь
от дождя проливного.

А за окнами гул
сеет страхи и множит.
Наконец-то уснул.
Или умер, быть может?

* * *

Когда торфяники горят
и всё черным-черно от дыма,
в упор не видит брата брат,
и, как чужой, проходит мимо.

Дым без начала и огня,
как полужизнь и полуправда.
И нет дорожке для меня
несуществующего брата.

* * *

Памяти В. Цмыга

Кому, как не тебе,
доподлинно известно,
что ночью в декабре
на звёздном небе тесно.

Но никаких обид,
ни дрызг и ни разборок.
И, как свеча, горит
звезда при минус сорок.

* * *

Стриж подстригал макушки сосен —
то вверх, то вниз.
Не радуйся, что скоро осень,
не торопись.

Ещё дождём и ветром будешь
по горло сыт.
Она в кармане прячет кукиш,
что твой Дин Рид.

А мы не лохи. На мякине
не проведёшь.
И неба полог тёмно-синий
ещё не дождь,

но репетиция, где август,
как в клетке стриж,
уже не вызывает радость,
а горечь лишь.

ОТЕЦ

в его ладони утопает
моя шершавая ладонь
он с полуслова понимает
чем дышит рыба подо льдом
на соловьином диалекте
ведёт беседу со щеглом
и растворился в пыльном лете
как будто скрылся за углом

1988

Безмолку, без перерыва
и прочих сотен тысяч «без»
со дна реки морская рыба
поёт, как иволга с небес.

Захлёбывается от песни,
пуская пузыри со дна,
среди людей на Красной Пресне,
как будто пресная она.

ОСЕННИЕ СТИХИ

Погорячились. А зря.
Холодно. Будто зимой.
Гольми до ноября
околевать, боже мой.
Ветер поёт про своё.
Небу уже не до слёз.
Горло дерёт вороньё
с пооблетевших берёз.
Греет надежда одна —
ставят на времени бег,
что с тридцать первого на
первое выпадет снег.

* * *

Ощущение: будто
цепь разорвана, и
даже эта минута
далеко позади.

Ощущение: словно
ничего не вернёшь.
И прощальное слово
затихает, как дождь.

* * *

«Ничего не бойся», — сказал отец.
Я боялся почти всего.
И поэтому с третьего этажа
на спор прыгнул, будто с крыльца.
И с тех пор всем страхам пришёл конец.
Не боюсь уже ничего.
И глядит, не мигая, с небес душа
на испуганного отца.

* * *

По небесной по брусчатке,
не к кому-то, а ко мне:
«Ворошилов на лошадке
и Будённый на коне».

Скачут, скачут днём и ночью,
через годы и века.
И закат, как стая волчья,
окровавил облака.

* * *

Забыто абсолютно всё, —
всё лучшее в тебе,
как обозренья колесо
в метельном декабре.

До майских праздников ему
разобраным лежать
и одиночества тюрьму,
как вечность обживать.

* * *

Д. Н.

Недостающее звено
в разорванной цепи;
в апреле прорастёт оно
дурман-травой в степи.

Расти дурман, цветы трава
и красок не желей,
и боль переплавляй в слова,
как будто Моисей.

* * *

Беги! Что будет — неизвестно,
туда, где бездне нет конца,
как непорочная невеста
с возлюбленным из-под венца.

Лети невестой непорочной,
преград не зная и стыда,
по бесконечной водосточной
трубе июльская вода.

* * *

ты в одной весовой категории
я в другой и не встретимся мы
обмишурили и объегорили
заказали дорогу из тьмы

знак отчаянья знак бесконечности
мы идём параллельно с тобой
по-колхозному выиграв у вечности
проходивший без зрителей бой

* * *

слова растерялись не зная куда
идти очерёдность забыв
уселись как вороны на провода
и перевирают мотив

растаяли знаки которые «пре»
пеня теперь на меня
как путник в ночи и как снег в ноябре
как хворост в объятых огня

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЛЮБВИ

Это — будто черепаха
обрела
два крыла, и вдруг от страха
и от счастья умерла.

И лежит она крылато
на песке.
Не виновна... Виновата...
В пенной вате и в тоске.

ЭСКИЗЫ

1.
оскоминный зелёный
антоновский налив
резонно думать склонный
скорее мёртв чем жив
не белый скороспелый
сентябрьский почти
огрызок жизни целой
вставанием почти

2.
паутинная заплатка
на малиннике в лесу
совершенство беспорядка
в память сердца занесу
из июля в август дверца
приоткрытая слегка
сладко тает льдинка сердца
в жарких лапах паука

3.
белая кружка с каёмкой
как небеса голубой
музыкой светлой негромкой
ангел парит над тобой
детство но вдребезги кружка
непроизвольно сама
жизни утруска усушка
и горизонта кайма

4.
лоза орешник ива
апачи чингачгук
и defавская дива
и прерия и стук
копыт в конце июля
по пыльной мостовой
где разминулась пуля
с горячей головой

5.
я речной песок
заключил в сосуд
и проснулся в срок
но уже не тут
а проснулся там
а очнулся где
и с отцом считал
ряби на воде

* * *

синий якорь на запястье
и вразвалочку душа
ах разбитая на счастье
жизнь не стоит ни гроша
и мотает срок Иона
в мрачном карцере кита
где зловонна где бездонна
белладонна темнота

* * *

Согрешу и покаюсь.
Напишу и в печать.
Чёрно-белая зависть —
не умею молчать.

Полагался на время, —
не рассудит оно.
Ухудшается зренье.
Оголяется дно.

* * *

Этак, можно бесконечно, —
час за часом, день за днём:
по течению беспечно
плыть, как лодка, кверху дном.

Плыть любви и жизни мимо,
видеть только мрак и тьму,
и приплыть... к тому, что мнимо
и не нужно никому.

* * *

А. Алёхину

Говорить на весеннем, на птичьем,
на оттаявшем языке,
и своим поступившись «величием», —
стать воробышком в детской руке.

От любви и от страха зажатым
чуть не до смерти. И не дыша,
дорожить равновесием шатким,
как последним причастием душа.

СПАЛЬНЫЙ РАЙОН

1.

Надкусанного тыблока
незрелый аромат
я нёс домой из Свиблова
и был, как мальчик, рад.

Я нёс домой в Нагатино
и счастлив был, как бой, —
прекрасная кислятина
надкусана тобой.

2.

Это тайна, которая
выдаёт с головой:
я не фауна — флора я,
я цветок луговой.

Василёк из-под Щёлково,
голубой, как мечта.
Сколько можно из логова
волком шериться, а?

3.

Руки в стороны и полетели.
И летим мы с тобой наяву,
как во сне, не вставая с постели,
и печально глядим на Москву.

Муравейник. Помойная яма.
Ад кромешный. Исчадие зла.
Сделай, Господи, так, чтобы мама
нас по новой в Москве родила.

* * *

— Легко ли? — сказала левкоя, —
без отдыха благоухать,
не зная: ни сна, ни покоя
отравленный воздух вдыхать.

Вдыхать, выдыхая, и снова...
— Довольно! Легко...Нелегко...
Не скиснешь!- сказала корова,
имея в виду молоко.

* * *

лёгкости не хватало
чтоб улететь навсегда
вереска и краснотала
у городского пруда
времени для завершенья
для закругленья углов
и поднебесное пенье
окольцевал птицелов

* * *

друг на атасе
на пасеке я
на тарантасе
по небу Илья
молнии всполох
и в пятках душа
двочник олух
жизнь хороша

* * *

До 47-и не дожил,
но смерть от домочадцев скрыл,
лишь птиц полночных растревожил,
что в переводе — воспарил.

И рай весенний, грай вороний
и тишина летейских вод —
с земного на потусторонний
художественный перевод.

* * *

Не вспоминать начала,
не думать о конце...
Но чья-то смерть кричала
в расплавленном свинце.

Скорей бы затвердела
и форму обрела,
и незаметно в тело
пришла путём ствола.

* * *

На витке
очередном
по реке
плыву вверх дном.

А от звёзд
на самом дне
хрупкий мост
ведёт ко мне.

Он ведёт
тебя сквозь тьму
к дому (от)
(не) моему.

До сих пор
напрасно жду
в перевер-
нутом аду.

* * *

Ю. Алешковскому

Говори, если сердца не жалко, —
всё равно не удастся сберечь,
от платочка и до полушалка
простирается русская речь.

Этот синенький скромный платочек,
эта шаль, поменявшая пол...
И колеблемый между строчек,
обжигающий сердце глагол.

* * *

Вничью завершилась любовь.
Ты ничья. Я ничей.
Остывает горячая кровь,
как впадающий в речку ручей.

Растворился в реке навсегда.
Но темна мелководная муть.
Однородная масса. Вода.
Покрасневшая только чуть-чуть.

* * *

В. Гандельсману

Это только с виду, с виду,
а на самом деле — нет,
что на целый свет обиду
затаил в душе поэт.
Просто он без нас не может,
чтобы там не говорил,
а для тех, кто занежит,
как архангел Рафаил.
Он не требует за это
благодарности людской,
и тяжёлый крест поэта
гордо тащит день-деньской.
Чтобы полночь при свете
стеариновой свечи
думать не о винегрете,
о компоте и котлете,
о поджарке и спагетти,
о сардельках и омлете,
но о Маше, Вове, Пете,
заблудившихся в ночи.
Не пеняет на планиду,
безвозмездно дарит свет...
Это только с виду, с виду,
а на самом деле — нет.

СТАРЫЙ СПОР

Не закончится на этом,
а закончится на том
перекрёстке тьмы со светом
под названием «роддом».

И уходит из роддома,
растворяясь в облаках,
малолетняя мадонна
без младенца на руках.

* * *

Всю ночь скрипеть пером при свете
давно погашенной свечи,
чтоб коммунальные соседи
от скрипа мучались в ночи,
чтоб Владислав Фелицианыч
скончался рано, до греха,
и от написанного за ночь
осталась только буква «х».

БАЛЛАДА

На золотом крыльце сидели:
царь, царе... etc;
пиво пили, раков ели
и плевали на царя.

Все плевали...Лишь сапожник,
не плевался на царя,
забуддыга и безбожник
дело делал втихаря.

Из любви к царю? К отчизне?
Почему? По кочану.
Может просто в прошлой жизни
израсходовал слюну.

* * *

Ю. Гуголеву

Запомни раз и навсегда,
а лучше запиши:
испелённая звезда
лежит на дне души
того, кто на небо глядел
и глаз не отводил
и стал могилою для тел
небесных и светил.

* * *

Запишу я на плёнку любовь и печаль
и дыхание спящей собаки,
чтоб любимая слушала по ночам
и не вздрагивала во мраке.

В час, когда за окном и на сердце темно,
пусть поставит забытую запись
и летит, как уже не летала давно,
под волшебный собачий анапест.

* * *

У солнца головокружение
и слабость вызывает бриз.
Его ужасное падение
сопровождалось морем брызг.

Стремительно туда, где мидии,
коралловые города,
где рыбы таинство соития
не разболтают никогда.

Где посетители нечастые
простые жители земли,
и где покоятся несчастные
потопленные корабли.

Еще недавно ярко-красное,
оно лежит на самом дне,
почти ручное, безопасное
и безобидное вполне.

Предчувствие, быть может, эхо ли,
но водолазы тут как тут,
как рыцари, гремя доспехами,
его достанут и спасут.

Работу выполнив рутинную,
привыкнув ко всему давно,
усядутся невозмутимые
за прерванное домино.

А в небе солнце непутевое,
просоленное, как тарань,
уже сияло будто новое
и жарило в такую рань.

* * *

на джина обиделся
аладин
невидим
а стало быть вечно один
и лампа в чулане
пылится давно
ни сна ни желаний
на сердце темно

* * *

В промозглой тишине,
без шанса на спасенье,
как колокол по мне,
звонит комар осенний.

Из поздних комаров,
из недобитков — или!
Дружище, будь здоров,
покамест не добили.

* * *

Немудрёный рассказ про звезду..
Эй, земляне,
приготовьтесь — вот-вот упаду, —
выполняю любое желанье.

Невозможного нет для меня.
Торопитесь — спешите увидеть.
Говорите — брехня! Ну, брехня..
Пожалеете после, как пить дать.

* * *

Памяти Л. Рашковского

Просто так: ни с того, ни с сего,
без причины и повода — просто,
нет, не весело — весело
на душе в предвкушении роста.

Ты расти, как младенец, душа,
не по дням — по часам и минутам.
Ах, как звёздная жизнь хороша!
Ах, как здорово нам, лилипутам!

ДЕМБЕЛЬСКИЙ АЛЬБОМ-2

1.
Засыпаю на ходу.
Сплю, но ходу не сбавляю.
Я иду, иду, иду
строевым по Забайкалью.

Левой, правой, левой, пра...
Сплю в неведение счастливом.
Ангелы как прапора
запивают водку пивом.

Слева — сопки. Справа — степь.
Впереди и сзади — волки.
Четверть века. Не успеть
в часть свою из самоволки.

Я иду, иду, иду,
день и ночь без перекура.
И, как лампочку — звезду
погасила пуля — дура.

99

2.
Я не вернусь из самоволки, —
я выполнил священный долг.
Лежу себе на третьей полке,
поплёвывая в потолок.

Я отрубил два года с гаком,
я заварил навечно люк.
Пусть снится по ночам салагам
начальник штаба Вергелюк.

С меня довольно. Сыт по горло.
Пускай другие, а не я
в эпоху колы и попкорна
зубрят урок Небытия.

Лежу себе на третьей полке,
гипнотизирую плевков,
а по вагону рыщут волки
зубами щёлк.

3.
То сено, то солома.
Да на краю земли.
А в это время дома
невесту увели.

Невесту уводили,
как лошадь со двора,
когда меня будили
пинками прапора.

Когда я мёрз в НТОТе*
и проклинал ч/ш,**
она по зову плоти
заржала и ушла.

Гори печаль, как спичка,
лети тоска в огонь.
Ефрейторская лычка
скатилась на погон.

4.
Я два года отрубил,—
ду-ду-ду,
в Красной Армии я был, —
не в аду.

Ад крошечный был во мне,
а не в ней.
На войне, как на войне.
На войне?

* НТОТ —неподвижная танковая огневая точка.

** ч/ш — чисто-шерстяное обмундирование.

Не понятно: «кто-кого»
победил.
Не осталось никого
я один.

5. Фото
Минимальная ставка —
точно — больше, чем жизнь.
Я стою возле танка,
на плечо опершись.

А Серёга Тарасов,
чѐ плечо, как броня,
скоро на небо брассом
уплывѐт без меня.

* * *

Раз... и снова очарован,
навсегда и до конца;
возвращается с уловом
зверь, бегущий на ловца.

И ловец, чуть-чуть помятый,
но счастливый, что живой,
не торопится в обратный
путь, рискуя головой.

Потому, что больше смерти
он боится тишины
одиначества при свете
окровавленной луны.

* * *

Я выпал в осадок,
лежу и тужу
и овощем с грядок
на небо гляжу.

На небе ни тучки, —
Там звезды одне;
готовятся к случке
коты в тишине.

Осадок — не таю.
Досада берёт.
Лежу. Наблюдаю.
Созрею вот-вот.

* * *

Просьба: только не трогать руками,
по возможности реже дышать,
и судьбе, привередливой даме,
не мешать приговор оглашать.

Окончательный... Не подлежащий...
Поклянись на небесном УК,
чтоб под камень текла под лежащий
не вода, но забвенья река.

* * *

У мною
любимого В. Соколова
зимою
особенно светится слово.

Не резкий, —
мерцающий свет изнутри.
Как фрески-
на ветках сидят снегири.

Любимый...
Нечитанный долгое время.
Рябину
сменили другие деревья.

Забывтый...
На улице +33.
Иврито-
язычно поют снегири.

* * *

Я вечернюю лошадь загнал,
и, бедняга, как водится, сдохла.
Но меня похвалил генерал
и меня похвалила эпоха.

«Молодца!», — генерал мне сказал.
«Так держать!», — мне сказала эпоха.
И поэтому я завязал
с этой жизнью, которая сдохла.

|||

* * *

Тяжело уберечься
от соблазна: да-да;
будь то речь или речка —
не впадать никуда.

В подрастающем сыне
видеть страхи отца.
Не впадая в унынье,
течь и течь до конца.

И молиться на вереск
и к ромашке припасть,
и в любовь будто в ересь
окончательно впасть.

* * *

Небо июльское, и облака
белобороды, как рав;
в кружку с черникой налей молока,
сахар по вкусу добавь.

«Я, —напиши на берёзе, — здесь был!»
Чудом остался живой.
Но пригубил чёрно-синих чернил
и закусил сон-травой.

БАТЮШКОВ

И прежде, чем сойду с ума
и утром в Вологду уеду, —
предновогодняя зима
свою отпразднует победу.

И я на синеве небес,
как на скрижалях начертаю:
«Страдал, рыдал, терпел, исчез...»
И, как осенний снег, растаю.

КОНЬКОБЕЖЕЦ

Конькобежец — крылатое чудо,
руки за спину, а голова
автономно от тела, покуда
под тобой Амстердам и Москва.

Но мозгами на льду пораскинешь, —
и уже ничего не болит.
И ошибочно фотофиниш
победителя определит.

* * *

Веришь, нет, — ни о чём не прошу,
не взаправду и не понарошку,
одичавшее время чешу
нежно за ухом, будто бы кошку.

На диване свернулось клубком.
Ай да время — мурлычет как кошка.
Я поверил — дурак дураком,
а оно убежало в окошко.

* * *

Крути направо и налево
настройку битых два часа
и, как с небес, услышь из VЕFa
сквозь треск глушилок голоса.

И уголи свои печали
и заглуши свою тоску,
чтоб даже птицы замолчали
настроенные на Москву.

И только — ночь и только — Сева,
и сон кошмарный про страну.
Кручу направо и налево
и вслушиваюсь в тишину.

* * *

Ю. Новиковой

кленовых палочек из детства
незабываемая дробь
телепатическое средство
на расстоянии любовь
передавать седой обманщик
хоть на мгновение поверь
но тарабанит барабанщик
в не существующую дверь

* * *

по водной глади провести
и не обжечь руки
и вдруг кувшинкой зацвести
в излучине реки

вдруг водомеркой пробежать
и ног не замочить
и никого не обижать
тем более учить

* * *

Я посредник,
а стало быть посередине.
Из последних,
из тех, кто дрейфует на льдине.

Между берегом этим
и берегом тем.
Я приплыл — не заметил.
Почти не вспотел.

Но смертельно устал
и лежу, не дыша.
И прилипла к устам
будто шарик душа.

СОЛЯРИС

Почувствовав ногами дно,
ушедшее вчера,
покамест на сердце темно
не подымай чела.

Дождись, чтоб высохли совсем
стеклянные глаза
и лишь затем, Станислав Лем,
нажми на тормоза.

* * *

Пение птицы на фоне
ветреного февраля.
Вроде бы не посторонний
в этом пейзаже и я.

Так отчего же затихла;
или, увидев меня,
вдребезги, будто пластинка,
песня разбилась, звеня?

Но февралю потакая,
словно опился чернил,
каркает, не умолкая,
чёрный с отливом винил.

* * *

За железнодорожным
до небес полотном
жизнь была невозможным
и обыденным сном:

день и ночь за «железкой»,
в клеверах, как в раю,
беззаботной и дерзкой
перепёлкой пою,

и не верю, что смертен,
и бессмертен давно,
пролетая над этим
бесконечным кино.

* * *

Промежуточный финиш
оказался концом.
Ночью из дому выйдешь
повидаться с отцом.

А на небе, как в детской,
одиночества жуть.
И собаке соседской
до утра не уснуть.

* * *

Илья пророк пописал в реку.
Пляж вымер. Директива сверху
получена из первых рук.
Не стало смеха, визга, крика.
И опадает ежевика
и благоденствует паук.

А противоположный берег
воспринял это без истерик,
напоминая мне тебя,
он не какой-то там — пологий, —
крутой, а значит — одинокий,
как минимум до декабря.

Когда мороз однажды ночью,
под пенье зимних аонид,
свои превысив полномочья,
два берега соединит.

* * *

Неутешительный итог
утешь меня скорей,
так утешает поплавок
бессонных рыбаей.
Свои объятия ослабь
и напророчь любовь,
когда обманчивую рябь
он выдаёт за клёв.

ТЕМА

Я высосал её из пальца
и тема стала основной;
и, как не бился, не пытался, —
она теперь всегда со мной.

И позабыты все другие
вперёд на много-много лет,
за исключением ностальгии,
которой не было и нет.

* * *

Б. Сироте

Я люблю со стариками,
байки баять, водку пить,
в перевёрнутом стакане
по-над бездною парить.

Мы парим, расправив руки,
мы парим, как в первый раз,
а бескрылые старухи
слёзы смахивают с глаз.

Мы парим, как в небе, птицы,
аж, захватывает дух,
чтоб уже не возвратиться
в государство сонных мух.

За лесами, за горами
и у бездны на краю,
как слонов — считаем грани...
Баю-баюшки-баю.

* * *

Не Лосиностровск, но Измайлово,
снег весенний, сходящий на нет;
20 лет вспоминаю без малого
цэдээловский вербный букет.

Подарила поэту, которому
георгин надарили и роз,
не притворному и не придворному,
а любимому нами до слёз.

Он последним решающим доводом
не воспользовался — пренебрёг,
и теперь на Ваганьково с Господом
новогодний ведёт диалог.

* * *

ветер берёзовый
ветер кленовый
будто бы розгами
высекли новый
ветер уверенный
в том что безвинный
если не клеверный
значит полынный

* * *

Не захотел, не смог,
при всём честном народе,
дикорастущий мох
расти на огороде.

Он будто взаперти
под небом цвета крови,
один, как перст, среди
укропа и моркови.

Ну, кто тебя просил,
задрипанный ботаник?
Без сосен и осин
погибнет, как «Титаник».

Собака ловит блох
и плачет по-собачьи.
Дикорастущий мох
на подмосковной даче.

* * *

смотри мне в рот
и про любовь соври
запретный плод
молчания сорви

иначе я
навек утаю
небытия
историю мою

* * *

Состарюсь на твоих глазах;
и отразится в них:
не вечный жид, а вечный страх, —
моей любви двойник.

В них отразится ужас мой,
как в зеркале солдат,
с войны вернувшийся домой
в послевоенный ад.

* * *

Где вы, други и братья?
Я брат ваш и друг.
Отовсюду проклятья
и стоны вокруг.

Но в горящем вигваме
у беды на краю
я по-прежнему с вами
трубку мира курю.

* * *

перламутровая муха
умирает холодея
затянулась невезуха
паутиною на шее

ежедневного сортира
опротивела рутина
от назойливого мира
избавленья паутина

* * *

Если не дети, так внуки,
если не внуки, так пра,
твой «Муравейник» от скуки
будут читать до утра.

И с выпрямительным вдохом,
бедные, встретят рассвет.
В плаванье был одиноком
прадед, а может быть дед.

В плаванье был беспросветном,
где бесполезен компас,
где сногшибательным ветром
был опрокинут не раз.

Но положение исправит
прежде, чем ляжет на дно
дед или может быть прадед, —
тот, кого нету давно.

* * *

неба безбрежность
речная прохлада
и неизбежность
вишнёвого сада

не объгоришь
ни чисел ни смысла
слёзы и горечь
забытого фирса

* * *

Разделяю и властвую.
Но не властен я над
этой птицей горластою,
предрекающей ад.

Этой птицей, что каркает
и накаркала мне
жизнь чужую с помарками
в тридевятой стране.

* * *

Говоришь — повезло. Повезло.
Или времени трата пустая?
Но берёзовое весло
проросло и берёзою стало.

Это — сон. Он парит, невесом,
по-над озером нелюдимым.
В худшем случае — станет веслом,
в лучшем случае — пеплом и дымом.

* * *

Чужими словами, —
словами любви,
поведаю маме
печали свои.

Чужими, что стали
моими давно,
как певчие стаи
немого кино.

* * *

Мелкая крапинка,
звёздная россыпь
перепелиных яиц.
Дождь под сомнением.
Жизнь под вопросом.
Непредсказуемый блиц.

Капельниц бдение.
Молнии росчерк.
Но из последних держись.
Доктор беспомощный.
Ливень всенощный.
И бесконечная жизнь.

* * *

Памяти К. Григорьева

Я простоял в очередях
полжизни и стою,
сменив отчаянье на страх,
у бездны на краю.

Стою на пару вместе с ним;
но внеочередной
меня от бездны оттеснил
и встал передо мной.

НА ОЗЕРЕ

1.

Можно только выше, выше, —
выше некуда уже.
Поднебесное Завишьё
разливанное в душе.

Я ли это? Рябь от ветра?
Или тот, кто за спиной, —
смотрит в озеро, и это
отраженье стало мной.

2.

Впадаю в спячку. Сплю и вижу
во сне, как будто наяву,
что по небу, как по Завишьё,
на плоскодонке я плыву.

И не один плыву, а с сыном,
возненавидев города.
А в небе, по-июльски, синем
шестиконечная звезда.

И мы качаемся на ряби
и со звезды не сводим глаз,
где с прошлым нити не ослабли,
соединяющие нас.

* * *

и спросу никакого
не может быть с меня
за исключением слова
душевного огня
за исключением знания
что время утекло
и вечного изгнания
отечеству назло

* * *

Поставлю на поток;
и утону в потоке
мёртвождённых строк
похеренных в итоге.

Но теплится во мне
надежда, еле-еле,
что рукописи не
горят. Уже сгорели.

* * *

пролог как эпилог
где мы с тобой в обнимку
где Александр Блок
глядит на Пинск сквозь дымку
где аист распростёр
крыла на небосклоне
где виден лишь костёл
и мы его на фоне

А и Б

Из пункта «А» он выехал к тебе,
и поздней ночью вышел в пункте «Б».

А ты ждала, сгорая от любви,
в своём забытом богом пункте «и».

Остывший чай. Тарелка холодца.
Минуя «и», в пункт «Б» из пункта «А».

Завяли розы. Сдохли соловьи.
Остановилось время в пункте «и».

А он живёт, тоскуя, в пункте «Б»,
по вечерам играя на трубе.

* * *

стал как новый лист кленовый
после дождичка в четверг
летним полднем на садово-
кудринской где мокрый сквер
сладко вздрагивал от грома
и от радости в груди
как дитя среди содома
и гоморры посреди

ЖЕСТОКИЙ РОМАНС

Не буди, старшина,
пусть солдаты поспят,
ничего, кроме сна,
больше нет у ребят.

Лишь бы не навсегда;
лишь бы плыл, невесом,
двухсерийный Эльда-
ра Островского сон.

Вверх по лестнице вниз
прямо в Небытие.
Не важнейшее из,
а единственное.

* * *

Вороньих разборок
наскучивший ор
и быстрый, как порох,
ночной разговор.

И ворох никчемных
бесмысленных слов
давно обреченных
и сказанных вновь.

* * *

По главной улице, но без
оркестра, а под звуки ливня,
обрушившегося с небес,
иду, и нет меня счастливей.

Иду — куда не знаю сам,
как роль в сомнительном спектакле,
и благодарен небесам
и растворяюсь в каждой капле.

* * *

Непрекращающийся ветер,
настоянный на трын-траве,
сопротивление не встретил
и поселился в голове.

И прописался он навеки,
всем сердцем полюбив свой дом,
в неглупом, с виду, человеке,
но одиноком и пустом.

* * *

Проще
простого:
в роше
сосново, —

словно
рубаха
слово
пропахло.

* * *

Я выбираю колею,
а колея меня,
околеваю, но рулю,
сомнения гоня.

Привычкой к перемене мест,
рискуя головой,
я сделал неприличный жест
дороге столбовой.

И всё кручу и всё верчу
педали день и ночь
и не могу, как врач врачу,
я сам себе помочь.

* * *

Не возьму даже с третьей попытки, —
потому, что смертельно устал.
Влажный след виноградной улитки
испарился и облаком стал.

Не дождём, но дождейкой в июле
проливается на стрекозу
в час, когда я со скоростью пули
раскалённым асфальтом ползу.

СОДЕРЖАНИЕ

Сойдя с карусели (И. Волгин) 7

I

«За полётом шмеля, но под музыку Шнитке...» 12

«Мы не Георгия Иванова...» 13

«Часы привычный ход замедлили...» 14

«Вот сидит человек...» 15

«Заначить прошлое на чёрный...» 16

«Ничегошеньки кроме...» 17

«А ты не слышишь и не видишь...» 18

«Стану на цыпочки, вырасту на...» 19

«Листья жгут, и осенний...» 20

«Тишина в темноте, как в квадрате...» 21

«А для полного счастья...» 22

70-е 23

«Я боюсь, что я назад...» 24

«Ничего мне не жалко для сына...» 25

«Оттоптали ноги...» 26

«На две тысячи первом...» 27

«сокрушаясь по поводу...» 28

«Я оставляю на десерт...» 29

«Август. Полдень. На окнах сетка...» 30

«Мастерская кузнечика...» 31

«Вести двойную жизнь, скрывая...» 32

LITHUANIA 33

АКВАРЕЛЬ 34

ПРОВИНЦИАЛЫ 35

«Осенним парком, где с веслом стоит дивчина...» 36

«3 ряд...» 37

«Имитация счастья — блесна...» 38

«Перчатки, варежки — помеха...» 39

«На полную катушку звук...» 40

«На чайной ложечке листа...» 41

«Туда-сюда, туда-сюда und weiter...» 42

МОЙ ПЕГАС 43

«Грибоподобный взрыв из плена...» 44

«Хлеба и зрелищ...» 45

ФОТО 46

II

«Прямая линия, в которой...»	48
«Я исчез, растворился...»	49
«Засыпаю без задних...»	50
«На фоне усталости...»	51
«Начало любви я веду от конца...»	52
«Переливающихся рос...»	53
«Подтверди бесшабашность свою...»	54
«Это — не ветер и холод...»	55
«Спотыкаюсь на знаках...»	56
«Засыпаешь под дождь...»	57
«Когда торфяники горят...»	59
«Кому, как ни тебе...»	59
«Стриж подстригал макушки сосен...»	60
ОТЕЦ	61
1988	62
ОСЕННИЕ СТИХИ	63
«Ощущение: будто...»	64
«Ничего не бойся», — сказал отец...»	65
«По небесной по брусчатке...»	66
«Забыто абсолютно всё...»	67
«Недостающее звено...»	68
«Беги! Что будет — неизвестно...»	69
«ты в одной весовой категории...»	70
«слова растерялись не зная куда...»	71
ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЛЮБВИ	72
ЭСКИЗЫ	73
«синий якорь на запястье...»	75
«Согрешу и покаюсь...»	76
«Этак, можно бесконечно...»	77
«Говорить на весеннем, на птичьем...»	78
СПАЛЬНЫЙ РАЙОН	79
«— Легко ли? — сказала левкоя...»	80
«лёгкости не хватало...»	81
«друг на атасе...»	82
«До 47-и не дожил...»	83
«Не вспоминать начала...»	84
«На витке...»	85
«Говори, если сердца не жалко...»	86

«Вничию завершилась любовь...»	87
«Это только с виду, с виду...»	88
СТАРЫЙ СПОР.	89
«Всю ночь скрипеть пером при свете...»	90
БАЛЛАДА	91
«Запомни раз и навсегда...»	92
«Запишу я на плёнку любовь и печаль...»	93
«У солнца головокружение...»	94
«на джина обиделся...»	95
«В промозглой тишине...»	96
«Немудрёный рассказ про звезду...»	97
«Просто так: ни с того, ни с сего...»	98
Дембельский альбом-2	99
«Раз... и снова очарован...»	102
«Я выпал в осадок...»	103
«Просьба: только не трогать руками...»	104
«У мною...»	105
«Я вечернюю лошадь загнал...»	106

«Тяжело уберечься...»	108
«Небо июльское, и облака...»	109
БАТЮШКОВ	110
КОНЬКОБЕЖЕЦ	111
«Верить, нет, — ни о чём не прошу...»	112
«Крути направо и налево...»	113
«кленовых палочек из детства...»	114
«по водной глади провести...»	115
«Я посредник...»	116
СОЛЯРИС	117
«Пение птицы на фоне...»	118
«За железнодорожным...»	119
«Промежуточный финиш...»	120
«Илья пророк пописал в реку...»	121
«Неутешительный итог...»	122
ТЕМА	123
«Я люблю со стариками...»	124
«Не Лосиностровск, но Измайлово...»	125
«ветер берёзовый...»	126

«смотри мне в рот»	128
«Состарюсь на твоих глазах;»	129
«Где вы, други и братья...»»	130
«перламутровая муха...»»	131
«Если не дети, так внуки,»	132
«неба безбрежность...»»	133
«Разделяю и властвую...»»	134
«Говоришь — повезло. Повезло...»»	135
«Чужими словами...»»	136
«Мелкая крапинка...»»	137
«Я простоял в очередях...»»	138
НА ОЗЕРЕ»	139
«и спросу никакого...»»	140
«Поставлю на поток...»»	141
«пролог как эпилог...»»	142
А и Б»	143
«стал как новый лист кленовый...»»	144
ЖЕСТОКИЙ РОМАНС»	145
«Вороньих разборок...»»	146
«По главной улице, но без...»»	147
«Непрекращающийся ветер...»»	148
«Проще...»»	149
«Я выбираю колею...»»	150
«Не возьму даже с третьей попытки...»»	151

Феликс Чечик

АЛТЫН

Книга стихотворений

Поэтическая серия «Русского Гулливера»

Руководитель проекта Вадим Месяц

Главный редактор серии Андрей Тавров

Макет и верстка Валерий Земских

«Русский Гулливер»
тел. +7 495 159-00-59
www.gulliverus.ru
russian_gulliver@mail.ru

Подписано к печати 00.00.2009. Формат 140 × 200.
Бумага офсетная. Гарнитура NewtonС.
Печать офсетная. Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Cherry Pie»
112114, г. Москва, 2-й Кожевниковский пер., 12